

Тәр-кантәрла та, сём-җәрле те
 Савва Нева тәрәх йөрлетеп.
 Юратнй ырайнам ку ман.
 Сул хысҗан сул тухать черетән
 Таван аваллахам ума.

Паяр пәчләхәнчен сасартак
 Европалла касуҗан кантак —
 Чаваш пуртти те җаканта,
 Ытла шултран картаймасан та,
 Чутланә, җуннә җынпа тан.

Җав ятсәр асасем, җав харсәр
 Чулкасансем ләпсәр та ләпсәр
 Җўҗенчәк Балти тётринчен
 Тухаҗсә, канәҗләх памасәр,
 Хыпар туса хайсем җинчен:

«Эпир җеклерёмёр шыв-шурлә
 Ушах-лачакара, хән-хурләх
 Ёнси җинче, җак хулана.
 Емпў сиктерчә пирён урлә
 Җак каскән пәхәр лашана.

Кёпер пек такантамәр, путәх
 Җёре такәсласа, пёр утам
 Юлмарё шамә кёменни.
 Җапах та җёр пулман-мён тутә,
 Җитмен апа пире ёмни.

Ленинградские белые ночи тихи.
 Ленинградские дни голубые шумны.
 Я хожу вдоль Невы, и, раздумья полны,
 В мое сердце бесшумно стучатся стихи.
 Оживают картины родной старины.

Для Руси здесь из душных боярских палат
 Царь-работник в Европу окно прорубал.
 Вместе с русским умельцем

здесь камень тесал

Мой народ подневольный два века назад,
 И названия улиц о том говорят.

Мне навстречу, в рубцах багровеющих ран,
 Мой далекий земляк, безымянный лашман*;
 Он в дырявых лаптях, от усталости пьян,
 Желтым блеском мозолей своих осиян,
 И слышна его речь сквозь лохматый туман:

«Над болотною топью, над ржавой водой
 Мы подняли на спинах своих этот град.
 Как валун под фундамент

здесь брошен наш брат.

Медный всадник тут вздыблен
 над нашей бедой,
 И названия улиц о том говорят.

Мы сердцами гатили дремучую топь,
 Наши кости, как сваи, вбивали в нее,

* Л а ш м а н — государственный крестьянин, заготавливающий лес для кораблестроения.

Кайран, эфир хӕпартнӕ капӕр
Суртсем патне те сывхартмасӕр,
Ачасенне, тӕхӕмсенне
Ик-виӕ сӕр сул пӕр чарӕнмасӕр
Емпӕлӕх сӕхнӕ сӕткенне.

Кам пирӕншӕн? Тӕрме те крепӕс,
Сӕрпӕрт те тӕпсакай йӕретчӕ
Кӕрпе-сурпа, тен, хӕрхенсе.
Шӕршланнӕ пӕнтӕхра сӕретчӕ
Сунатлӕ чунлӕ этемсем.

Сӕн кун сынни! Телейлӕ эсӕ:
Ылханлӕ самана хӕресӕ
Пусман сан тӕрӕ сурӕмна.
Анчах ӕн ӕр мӕнне пӕлмесӕр
Эс ӕнланаймӕн ы р а н а.

Ан ман пире. Асту, ан манччӕ!»

.

Сасартӕк сӕлӕллӕн лӕпланчӕ
Упкевлӕ сас. Хула шупка.
Те тухайман хӕвел, те анчӕ?
Сӕртме. Ыйха тартать шур каӕ...

1940, Ленинград

И терялось на Балтике наше житье,
Как свинцовая, в воду упавшая, дробь,—
Кто разыщет в пучине глубокой ее?

А к дворцам, а к мостам, что построили мы,
Не пускал и на выстрел оставшихся нас
Царской пушки пустой ненавидящий глаз,—
Возвращались мы в тьму,
как и вышли из тьмы,
И вельмож бы не тронул правдивый рассказ.

Только крепость с тюрьмой,
да угрюмый подвал
Лили слезы над нашею черной судьбой.
В затхлых камерах люди с крылатой душой
Гнили заживо,— царь их на смерть обрекал,
Только правнуки жизнью зажили иной!

Человек новых дней, новых лет и веков!
Ты не нес на спине крест проклятых времен.
Взгляд счастливый твой

в светлую даль устремлен.
Не забудь день вчерашний со звоном оков,
Помни, Завтра твое прояснит тебе он».

Не понять: то ли село, то ль снова взошло
Солнце, дым и туман отогнавшее прочь...
Мне печали о прошлом здесь не превозмочь.
Но баюкает сердце тепло и светло
Ленинградская тихая белая ночь.